

ЗНАЧИМОСТЬ ИНТЕРТЕКСТА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ В.Е. МАКСИМОВА

А.Е. Умнов

*Кафедра «Русская филология», ГОУ ВПО «ТГТУ»;
Pfl65@yandex.ru*

Представлена членом редколлегии профессором Н.Ц. Гагановой

Ключевые слова и фразы: автобиография; всепрощение; жанр; интертекст; история; квинтэссенция; лихолетье; мотив; народная душа; пророчество; раскаяние; творчество; христианство.

Аннотация: Исследован интертекст Ф.М. Достоевского в творчестве В.Е. Максимова. Рассмотрены два романа Максимова: «Прощание из ниоткуда» и «Кочевание до смерти», которые наиболее близки в идейном и жанровом отношении. Проведено сопоставление двух главных персонажей романов, рассматривается влияние романа Ф.М. Достоевского «Бесы» на развитие идейно-аксиологической структуры произведений В.Е. Максимова.

Из всех произведений Владимира Максимова романы «Прощание из ниоткуда» и «Кочевание до смерти» ближе всех и в идейном, и в жанровом отношении.

Центральные герои этих произведений – писатели Влад Самсонов и Михаил Бармин – выплескивают на окружающий мир ярость, которая копилась в них годами. Главная причина их «яростной безысходности» в потере надежды на то, что на Западе можно обрести желанную свободу творчества, увидеть выход из исторического тупика, в который попала, по мнению максимовских героев, Россия: «Цивилизованный мир Европы с ее развитой демократией оказался так низок и гадок, так похож на то, что уже было пережито и пройдено, что, по сути, мало отличался от яростной карусели давнего российского лихолетья» [1, т. 5, с. 6].

Оба романа наполнены тоской о родине, поскольку «можно географически передвинуться в пространстве, но невозможно избыть из себя память о доме, в котором мы родились, каким бы безрадостным ни казался нам отсюда этот дом» [1, т. 8, с. 380]. В обоих произведениях концептуальную роль играет интертекст романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

В центре романа «Кочевание до смерти» находится трагическая судьба писателя Михаила Бармина, который, как и Влад Самсонов из «Прощания из ниоткуда», прошел через «огонь и воду» российского лихолетья, много повидал и пережил, а в конце жизни очутился далеко за пределами России, где трагически оборвалась его жизнь. Бармин за долгие годы осознал, что никакие границы между странами, никакая смена жительства не может избавить творческого человека от тяжелого груза прошлого, от безверия и опустошенности души.

Название романа «Кочевание до смерти» включает в себе философский смысл, оно напрямую связано с эпитафией, где заложена одна из главных мыслей писателя – о трагическом противоречии XX столетия, когда в результате револю-

ционного переворота началась бесконечная эпоха «кровавого безвременья», то, что было пророчески предсказано Ф.М. Достоевским в романе «Бесы».

Роман «Прощание из ниоткуда» – это, прежде всего, автобиографичное художественное полотно, квинтэссенция всего жизненного и духовного опыта писателя. Выражение «прощание из ниоткуда» можно рассматривать и как прощание со старой жизнью, и как приветствие, обращенное к новой жизни, полной на духовное возрождение после тяжелой эпохи «бесовства» в России.

Цитаты из «Бесов», включенные в роман, представляют собой значимые культурные отсылки к истокам формирования революции. С их помощью воплощается авторская концепция личности, и в целом система представлений Максимова о человеке, его сущности, его отношениях к обществу, государству, природе, к бытию и смерти, к вечности. В романе «Прощание из ниоткуда» именно через систему символов, организующих тему памяти, преломляются социальные, политические, идеологические, нравственные представления художника, влияющие на образ главного героя, характер конфликта, на жанровую специфику произведения в целом. Например, Владимир Максимов обыгрывает символ «бездны», употребляемый Достоевским. В названии романа «Заглянуть в бездну» присутствует та же символика. Влад Самсонов зачастую видит Россию как бездну, в которую вовлекли ее социальные катаклизмы. Любовь – это тоже бездна, в которой может пропасть человек. Герой, пребывая в отчаянии от безответной любви, «ходит по краю пропасти с единственным светящимся в глубине пятном – четким проемом ее окна. Загляни в бездну!» – пишет Максимов [1, т. 4, с. 411].

В романе «Заглянуть в бездну» образ бездны – это сюжетообразующий символ, которым объединяется все трагическое в произведении: бездна войны, мира, судьбы, будущего, социальная трагедия России оборачивается «бездной» в душе героев. Сюжетообразующий и философский смысл имеет символ бездны в романе «Кочевание до смерти», где Владимир Максимов говорит о «бездне в душах людей», о России, «застывшей на краю бездны». И всегда «бездна» начинается с беспомысленности, забвения законов отчего дома, безверия, своеволия.

Символ бездны, трактуемый как «бездомность», как разрыв с историческим прошлым очень важен для писателя, так как с его помощью автор заключает, что беда России в отказе от православной веры.

В начале романа «Прощание из ниоткуда» Владимир Максимов вкладывает в образ бездны некий космический, вселенский смысл. «Кругом была бездна, и в этой бездне, на крохотном шарике... прилепилась окраина... где однажды ты внезапно ощутил свое присутствие» [1, т. 4, с. 8].

Влад Самсонов «путешествует» по жизни и физически, и духовно. Духовный путь Влада прочитывается автором в библейском ключе: познание соблазна, греха, который начался с отречения от отца и с равнодушия к судьбе матери и был осознан только через многие годы после мытарств и страданий. Владимир Максимов пишет о зрелом Владе, отбывающем срок в сталинских лагерях: «Там, на нарах восточных пересылок, в лютую стужу лагерных лесоповалов, под бесприютным небом неудачных побегов он вспомнит все и кровавыми слезами выплачет свой грех, заплатив за него тройную цену. Прости, мой мальчик, но это так, от этого никуда не денешься!» [1, т. 4, с. 55].

За предательство друга, знакомого, встречного Влад расплачивается муками совести: «Где ты, Миша, теперь, ему неизвестно, но тебе следует знать своего первого стукача» [1, т. 4, с. 22].

Спустя годы Владу Самсонову удастся понять простую истину: человек, предавая, прежде всего, предает самого себя. Все повествование автор разворачивает под знаком Суда и прощения: «Грянет на нас, и каждый, а в том числе и он, узнают, если им это будет дано узнать, что есть другой Суд, и у того Суда нет

обвинителей или защитников. Человек начинает судить себя сам по Закону, дарованному ему от рождения, закону Совести. Дай же ему, Господи, вынести тот Суд!» [1, т. 4, с. 177].

Влад принимает жизнь такой, какая она есть, но ощущает сердцем, что каждый человек несет свой крест, каждый идет к Вере.

Владимир Максимов отвечает на вопрос о смысле жизни словами героя Ф.М.Достоевского, потому что уверен, что более точно нельзя отобразить путь российского народа к Вере: «– Вы верите в Бога?

– Я буду веровать.

– ?!» – Журналист сидел перед Владом – красивый, скептический, уверенный в себе. < ... > Уж кто-кто, а он-то доподлинно, прямо из первоисточника знал, что земля стоит на трех китах: науке, разуме, прогрессе, – и потому великодушно соболезновал простодушию собеседника, ему, разумеется, как дважды два было ясно, с чего начался мир и чем этот мир кончится, всему на свете он давно определил цену и ничто уже не могло его удивить <...>.

– Это не мои слова, это говорит Шатов в «Бесах» Достоевского. О нашей русской Вере лучше и не скажешь. Мы чуть не девять веков живем не Ею, а в ее ожидании. Отсюда вся наша история, все ее взлеты и падения. Через великое сомнение идет наш народ к Истине. Но зато, когда придет и примет окончательно, уже не отступится ...» [1, т. 4, с. 232].

Нравственное падение героев связывается автором романа с отступлением от веры. Главный герой по каплям «станет собирать свою потерянную когда-то Веру, с тем, чтобы однажды, ощутив Ее зов, попробовать все снова, с чистого листа, от нулевой отметки ...» [1, т. 4, с. 128].

Чувства покаяния и всепрощения постоянно овладевают Владом, и он отказывается предъявлять «счета» кому бы то ни было, кроме себя самого. Он прощает всех: и правых, и виноватых. С самого начала автор наделяет героя смутным предчувствием неотвратимости расплаты: «Подспудно Влад, конечно, чувствовал, что должен будет расплатиться за что-то, за какую-то давнюю и еще неведомую ему вину, но слишком поздно осознал, за что именно...» [1, т. 4, с. 8]. В эпизоде содержится явная полемика с героями Достоевского, «предъявлявшими счет» Богу (Раскольников, Свидригайлов, Иван Карамазов и другие).

Роман «Прощание из ниоткуда» построен так, чтобы показать все витки жизненной спирали героя, ведущие его к Вере, его медленное, но верное восхождение к Истине. Влад постоянно вопрошает: «... Кем и за что была от рождения дарована ему – нищему наследнику московской окраины – способность падать и подниматься вновь... много раз соскальзывая вниз и снова начиная с нуля, чтобы подняться еще раз, уже витком выше к не ведомой никому цели?» [1, т. 4, с. 39].

После всех своих скитаний Влад не ожесточился только потому, что видел в каждом встречном человеке «создание Божье, погрязшее в грехе». И где бы ни носила судьба Влада, всегда находились рядом те, кто ему помогал в самую трудную, роковую минуту.

Покаяние вырастает в один из основных мотивов романа «Прощание из ниоткуда». Именно раскаянием в содеянном зле автор мотивирует появление внутренних перемен в герое, когда уже создается почва для рождения новой личности: «Мир представлялся ему тогда в двух цветах: черное или белое, хорошо или плохо, да или нет... С годами зрение его обострялось, мир раздвигался перед ним, все усложняя и множа свою расцветку... Душа в нем, однажды встрепенувшись, медленно продиралась к свету сквозь потемки страха и ненависти. Червь оборачивался бабочкой...» [1, т. 4, с. 144].

Идея, выраженная Достоевским в «Бесах»: «Все за всех виноваты» становится главной в сознании героя «Прощания из ниоткуда». Через покаяние и прозрение Влад Самсонов приходит к всепрощению. Марамзин В. писал: «Прощание из

ниоткуда» учит прощению, как не учит, наверно, ни одна другая книга... Вряд ли можно представить себе жизнь, более наклонную к ненависти, а не к прощению, нежели жизнь героя. Даже мать пожелала ему смерти, а в детстве это западает в душу навсегда... Другому бы десятую часть всех этих скитаний, приводов в милицию, детколоний, пропускников и психушек – станешь просто сосудом ненависти и злобы. Но он не ожесточился...» [2, с. 78].

Для романа «Прощание из ниоткуда» характерна преобладающая исповедальность. Исповедь, покаяние, обычно трактуется как исповедание верующим своих грехов. Главный герой часто обращается к Богу и в душевном смятении и в минуты покоя просит дать ему силы для верных жизненных решений.

Жизнь Влада сравнивается с путем в Дамаск Савла, апостола Павла, когда его внезапно постигло откровение, превратившее его из злобного гонителя в горячего сторонника христианства.

Таким образом, внедрение в названные романы интертекста Достоевского позволяет утвердить главную идею творчества В.Е. Максимова: возрождение России возможно только через воскрешение народной души в Боге, идею, почерпнутую у Достоевского в его пророческом романе «Бесы».

Список литературы

1. Максимов, В.Е. Собрание сочинений : в 8 т. / В.Е. Максимов. – М. : Терра, 1991–1993. – 8 т.
2. Марамзин, В. Русский роман Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» / В. Марамзин // В литературном зеркале: о творчестве Владимира Максимова. – Париж ; Нью-Йорк : Третья волна, 1986. – С. 73–85.

Importance of Intertext in F.M. Dostoevsky's Novel «Demons» in V.E. Maksimov's Creative Work

A.E. Umnov

*Department "Russian Philology", Tambov State Technical University;
Pfl65@yandex.ru*

Key words and phrases: autobiography; Christianity; creativity; forgiveness; genre; hard times; history; intertext; motive; national soul; prophecy; quintessence; repentance.

Abstract: Dostoevsky's intertext in V.E. Maksimov's creative work is examined. The two novels by Maksimov are considered: «A Farewell from Nowhere» and «Wander to Death», which are close in the ideology and genre. The comparison of two main characters of novels is made, the influence of the novel by F.M. Dostoevsky «Demons» on the development ideological axiological structure of Maksimov's works is considered.

Bedeutsamkeit des Intertextes des Romans von F.M. Dostojewskij "Demonen" im Schaffen von W.E. Maksimow

Zusammenfassung: Es ist den Intertext von Dostojewskij im Schaffen von W.E. Maksimow untersucht. Es sind zwei Romanen von Maksimow: "Abschied aus nirgendwoher" und "Wandern bis zum Tod", die im Ideen- und Genreverhältniss am

meisten ähnlich sind, betrachtet. Es ist den Vergleich der zwei Hauptpersonen der Romanen durchgeführt, es wird den Einfluß des Romans von F.M. Dostojewskij "Démonen" auf die Entwicklung der ideeaksiologischen Struktur der Werke von Maksimow betrachtet.

Importance de l'intertexte du roman de F.M. Dostoevski «Démon» dans l'oeuvre de V.E. Maksimov

Résumé: Est étudié l'intertexte du roman de F.M. Dostoevski dans l'oeuvre de V.E. Maksimov. Sont examinés deux romans de V.E. Maksimov «Les adieux de n'importe où» et «Nomadisme jusqu'à la mort» qui sont plus proches dans le sens d'idée et de genre. Sont comparés deux héros principaux de ces romans, est examinée l'influence du roman de F.M. Dostoevski «Démon» sur le développement de la structure idéologique et axiologique de l'oeuvre de V.E. Maksimov.

Автор: *Умнов Артем Евгеньевич* – аспирант кафедры «Русская филология», ГОУ ВПО «ТГТУ».

Рецензент: *Макеева Марина Николаевна* – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки», ГОУ ВПО «ТГТУ».
